

Люди системы

Какими они были, люди эпохи 1970–1990-х? По крупным воспоминаниям, реальным фактам, мемуарам и даже существовавшим легендам мы постараемся восстановить картину прошлого и рассказать о некоторых знаковых персонах того времени – государственных и политических деятелях, представителях партийной элиты, писателях. Автор предлагает свое прочтение известных событий, которые разворачивались в Гродненской области. Герои статьи тоже люди известные – первый секретарь ЦК КПБ Петр Миронович Машеров, писатель Василь Быков, первый секретарь Гродненского обкома КПБ Леонид Герасимович Клецков и другие...

1972 год для Гродно был особым. Золотые медали Ольги Корбут на мюнхенской Олимпиаде заставили писать о «чуде с косичками» многие средства массовой информации. Тогда весь спортивный мир узнал и о ее родном городе. 1972-й примечателен еще и тем, что в этот год в области сменилось руководство: первым секретарем Гродненского обкома Компартии Беларуси был избран Леонид Герасимович Клецков. Его стиль работы многим запомнился неординарностью...

Начнем с «легенды». В 1970-е годы в Гродненщине среди населения ходили слухи, что первый секретарь обкома партии Ле-

онид Клецков может неожиданно-негаданно объявиться на любом предприятии или в организации, чтобы своими глазами посмотреть, как идут дела. И при этом добавлялось: скорее всего, он будет не на служебной «Волге», а на «Москвиче-412», сам за рулем, в обыкновенной одежде, так что и начальства в нем не признаешь...

На самом деле в гараже Гродненского обкома КПБ было двое зеленых «Жигулей». Л. Клецков действительно практиковал такие неожиданные визиты без предупреждения. Но сам за рулем никогда не сидел, ездил только с водителем. В то время существовал негласный запрет для партийных работников, пусть даже имеющих навыки вождения и водительское удостоверение, самим садиться за руль служебных авто. Любые их попытки приобрести машину в личное пользование решительно пресекались, вплоть до выговора и возможной потери должности. Для широких общественных масс объяснение было простым: нормы партийной жизни требовали личной скромности от руководителей. Существовала и скрытая причина: дело в том, что, попадая в дорожно-транспортное происшествие, партийный или руководящий работник в глазах общественного мнения всегда был его виновником. А если в результате ДТП случались жертвы, то его вина возрастала вдвойне. Так что при Клецкове в области для руководящих работников действовал запрет на вождение.

Избрание в 1972 году первым секретарем Гродненского обкома КПБ Леонида Герасимовича Клецкова в широких массах не вызвало большого интереса. Но посвященные знали: первый секретарь ЦК КПБ Петр Машеров таким образом разрешал конфликтную ситуацию, возникшую между первым

► Л.Г. Клецков.
Конец 1970-х годов

секретарем Гродненского обкома Иваном Микуловичем и председателем местного облисполкома Николаем Молочко...

Но была и вторая причина. С начала 1970 года набирало оборот «дело Карпюка». Власти пытались расправиться с публицистом из-за его острокритических выступлений в прессе. Формально по тем временам гродненского писателя можно было привлечь к партийной ответственности. Щекотливость ситуации заключалась в том, что в идеологических прегрешениях даже первому лицу республики трудно было поставить окончательную точку своей властью. Все, что проходило по линии 5-го управления КГБ, решалось, как правило, в Москве. В чем-то, конечно, власти перегнули палку, прямолинейно подойдя к позиции творческого человека.

Под сомнение ставилось партизанское прошлое Карпюка и его участие в подпольной работе Компартии Западной Беларуси. Для всех, кто имел представление об обстановке на Гродненщине в 1930-е годы, когда она входила в состав Польши, открытая предвзятость и натянутость фактов были очевидны. Ситуация усугублялась тем, что в это противостояние оказались втянуты писатель Василь Быков и известный гродненский историк Борис Клейн. Последний даже обратился за помощью к легенде советской разведки Иосифу Григулевичу – одному из организаторов убийства Льва Троцкого и не состоявшемуся убийце Иосифа Броз Тито...

К тому времени И. Григулевич уже стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. А поводом к обращению послужило то, что партийная карьера Григулевича началась с участия в подпольной деятельности КПЗБ. В защиту Карпюка выступил и Василь Быков. Так что первая попытка исключения из членов КПСС Алексея Карпюка в парторганизации «Гродненской правды» осенью 1970 года провалилась. Но зато удалась несколько позже – весной 1971 года на бюро Гродненского горкома. Для гуманитария исключение из КПСС в то время являлось фактическим запретом на профессию.

Первый секретарь ЦК КПБ Петр Машеров знал о данном инциденте довольно подробно, и не из докладов, а из вполне достоверных источников. В Гродно до сих пор живет его сестра Ольга Мироновна Машерова, супруг которой в то время курировал вопросы культуры. Петр Миронович стремился

▲ Во время поездки Петра Мироновича Машерова на Гродненщину. 1974 год

как-то повлиять на складывающуюся ситуацию с А. Карпюком. Однако оказалось, что волевым решением, даже такого высокого уровня, конфликт уладить невозможно.

Звезда Машерова

В большинстве своем мы привыкли к плакатному образу Петра Машерова. Количество сказанного и написанного об этом человеке порой переходит в обратное качество. К слову, в стороне остается тот факт, что в юности и молодости он пережил глубокую личную драму. Его отца в 1937 году репрессировали, а мать во время войны расстреляли немцы за то, что сын был партизаном. Мы можем только догадываться, чего стоило в то время Машерову не только уцелеть, но и состояться. Тогда это было совсем не просто, особенно если отец или мать оказывались под катком репрессий. В этой личной драме заложена та высота личности, которая проявилась в послевоенные годы. В брежневском Политбюро Петр Машеров был единственным Героем Советского Союза, удостоенным этого звания за личный подвиг во время войны. Все остальные его коллеги получали «Золотую Звезду» к юбилейным датам. Такая дистанция реального и виртуального подвига давала о себе знать в личных отношениях в высшем партийном органе. Зависть процветала и в этом социальном слое.

Вокруг Петра Мироновича много посмертных мифов, подача и трактовки которых не всегда выглядят убедительно. На

► М.П. Клецкова

общем фоне мифологем особенно умильно утверждение о «нелюбви» Леонида Ильича Брежнева к Машерову и по этой причине его предвзятости к достижениям Беларуси того времени. Но если побывать в Овальном зале Дома Правительства, где проходят заседания нашего парламента, нельзя не заметить: все переходящие красные знамена получены БССР в 1970-е годы, когда первым лицом в СССР был Леонид Брежнев, а первым секретарем ЦК КПБ – Петр Машеров.

Второй миф касается рассмотрения вопроса о назначении П. Машерова Председателем Совета Министров СССР вместо Алексея Косыгина в 1980 году. Нередко можно услышать, что именно жесткая аппаратная борьба за этот пост привела Машерова к гибели. На самом деле это не более чем очередная конспирологическая мифологема. Все вопросы по этому поводу снял в своих мемуарах В.И. Шарапов, который руководил Минском 25 лет. К слову, 25 августа 2016 года отмечалось столетие Василия Ивановича, и в торжественной обстановке он получил новый паспорт в Минской ратуше. В своих воспоминаниях В. Шарапов отмечает, что «подножку» Петру Мироновичу подставил Михаил Сулов – в то время второй человек в ЦК. На XXIV съезде КПСС, проходившем в 1971 году, когда решался вопрос о переводе Машерова в Москву, он вынудил Петра Мироновича выступить на пленарном заседании с критикой еврокоммунизма. События в Чехословакии и ввод советских войск в 1968 году в эту страну вызвали неоднозначные реакции в мировом коммунистическом движении. Доводов в оправдание у советской стороны было не очень много, и страсти на идеологическом фронте в трактовке базовых марксистских позиций кипели на максимуме. Выступление П. Машерова по этому поводу не соответствовало ни его статусу партийного деятеля, ни статусу ученого в области марксизма. Реакция лидеров европейских компартий была ожидаемой. На состоявшемся заседании Политбюро ЦК КПСС выступление Петра Мироновича было признано ошибочным, и вопрос о его переводе в Москву отпал сам собой.

Не просто Мария

Леонид Клецков свою трудовую деятельность начал в 17 лет с должности за-

ведующего избой-читальней в д. Клетчино Сиротинского района Витебской области. На второй день Великой Отечественной войны его мобилизовали в Красную армию. Службу проходил в авиации техником. Демобилизовался в 1947 году в звании капитана. На Гродненщине Л. Клецков оказался в 1952 году в должности первого секретаря Ошмянского райкома КПБ. Там и заприметил свою будущую вторую половину – Марию Прокофьевну, у которой в то время подрастал сын. Для Леонида Клецкова это был второй брак. Причины расставания с первой женой неизвестны. Помощник Леонида Герасимовича в Гродненском обкоме партии Евгений Семенович Полубинский вспоминал, что его первая жена всегда с трепетом и теплотой говорила о своем муже. Впрочем, о личной жизни в то время не принято было расспрашивать. Не исключено, что причиной расставания с первой женой была война – такого рода личные трагедии случались нередко.

Мария Прокофьевна Клецкова была женщиной яркой и незаурядной. Ей завидовали, ее боялись и при этом все обращались к ней с различными просьбами. И никто ни разу не знал отказа с ее стороны. Ни внешне, ни внутренне она не походила на представи-

тельниц той касты партийно-торговых дам, над которыми многие потешались в силу их абсолютной схожести в манере общения и одежде, но перед которыми при личном контакте всячески заискивали.

Вместе с тем М. Клецкова вполне могла считаться модницей. Первые белые сапоги в Гродно – у нее. Первый норковый полушубок – у нее. Первый норковый берет в городе – тоже у нее. Норковый берет, например, стоил 320 советских рублей, что в то время равнялось двум приличным месячным зарплатам.

Мария Прокофьевна преподавала русский язык и литературу. Любила Достоевского и... решения партийных съездов. Она настолько верила в то, что декларировалось высшим партийным органом, что своим ученикам подбирала тексты для диктантов из решений партийных съездов. Могла достать из кошелька собственные деньги и попросить подчиненных купить в гастрономе зефира в шоколаде, «Грильяжа» или «Красной шапочки», чтобы угостить приехавшую делегацию. Она искренне удивлялась, что этих сладостей нет в свободной продаже. Бытовые проблемы для людей ее круга были новостью и вызвали удивление.

На посту директора школы М. Клецкова сменила уважаемого в Гродно человека, заслуженного учителя БССР, орденоносца В.И. Барана. Но и на пенсии он продолжал работать в школе учителем. Один из его сыновей, поменявший неблагозвучную фамилию отца на более приемлемую – матери, сегодня известный оппозиционер. А его брат Володя в школе преподавал физику...

В общем, «нажать на перо» и сообщить в соответствующие инстанции о «проделках» Марии Клецковой, если бы таковые имелись, было кому. Во всяком случае, об этом мне говорили знающие люди. Но по-настоящему масштаб этой женщины проявился на склоне лет: она с достоинством приняла старость и откровенную бедность. Надо сказать, что «золотая клетка» для партийной номенклатуры полностью убивала адаптационный механизм к повседневной жизни. И расставание с этой «клеткой» становилось личной трагедией для бывшего руководителя и особенно для членов его семьи. Замечено, что отставку главы семьи тяжелее всего переносили жены и дети.

Час пик

То была жизнь с приставкой «спец», далекая от реальности. Очевидно, отрыв от действительности сказался и на судьбоносных для страны решениях. Они на практике оказывались либо научным текстом, либо набором пожеланий, искренних, порой берущих за душу, удовлетворяющих всех, но... не выполнимых в силу неподкрепленности экономическими ресурсами и игнорирования человеческого фактора в угоду идеологическим установкам. Когда проблема пропущена через себя, у нее совершенно другое качественное наполнение. И таким же будет ее решение.

В современном постсоветском обществе деликатный вопрос об отношении к бывшим партийным руководителям имеет две крайние точки зрения. Одни говорят: «Кто же нами руководил, если не смог обеспечить собственную приличную старость?» Иного мнения придерживаются в своих оценках другие: «Их стиль жизни на самом деле был очень скромным, они – люди идеи».

Давать оценку прошлому легко, но важно понять и прочувствовать то время. Мне думается, что те, кто стоял на трибунах во время различных демонстраций и на кого мы смотрели с восхищением, страхом и завистью, все равно оставались заложниками системы, изменить которую в одиночку никому не по силам. Все попытки мягкой модернизации оказывались тщетными, а их инициаторы впоследствии уходили в политическое небытие. Это сродни «часу пик» в метро, когда вы идете в сплошном потоке и любая попытка изменить направление собственного движения, пойти не «в ногу» заканчивается ничем.

Время меняет оценки прошлого. Жесткая критика партийно-хозяйственного аппарата времен перестройки, ядовитая, крайне радикальная, а порой и оскорбительная со стороны общества, не имела в своей основе персонального характера. Интеллектуальное советское общество не могло смириться с тем, что сама система власти представляла собой перевернутую пирамиду. Тотальный дефицит породил ранее невиданную комбинацию – элитой стала обслуга, то есть люди, получившие доступ к распределению общественных и материальных благ, к созданию которых в силу своей интеллектуальной ограничен-

ности они не имели никакого отношения. В рамках системы и академик, и народный артист вынуждены были «бить поклоны» этой достопочтенной публике, про которую в народе говорили: у них «три класса за мешок картошки с братом пополам». Все унижение за такой советский быт в годы перестройки было выплеснуто на первых лиц регионов, республик и в целом страны.

Испытание таланта

В последние два десятилетия публикации о том, как гродненские власти (фамилия Клецкова при этом не упоминается) притесняли творческую интеллигенцию, стали нормой. Жертвами партийных органов в основном подаются поэтесса Лариса Гениуш и писатель Василь Быков. В вину власти ставится то, что Л. Гениуш жила без гражданства, под постоянным контролем КГБ и получала небольшую пенсию. Но, по большому счету, ее никто не трогал. Хотя по всем законам того времени ее деятельность во время войны была уголовно наказуемой – коллаборация в чистом виде. При этом никто и никогда не ставил под сомнение ее талант и патриотические чувства...

В среде гродненской партийной, советской и армейской элиты того времени Василь Быков никогда не был изгоем. Ему, беспартийному писателю, дали стометровую квартиру в обкомовском доме. В то время в СССР рынка жилья не существовало. Квартиру можно было получить, отстояв в жилищной очереди по месту прописки или на предприятии, где работал конкретный человек. Жилье можно было условно купить. Почему условно? Да потому, что построить

кооперативную квартиру вы могли только там, где вам предложат власти. И продать вы ее не могли. Освобождая кооперативную квартиру, человек мог получить назад от государства заплаченные за нее деньги. Ни место расположения жилья, ни его размер никто не выбирал. Существовали жилищные нормативы, которые определялись количеством членов семьи. Исключение было возможно только по решению власти – за особые заслуги перед государством. И для Василя Быкова такое исключение сделали. И где тут предвзятость властей?

Младший сын писателя, тоже Василий, женился на дочери генерала. Вряд ли бы этот брак состоялся, если бы В. Быкова местные власти считали диссидентом. А вот от коллег-писателей Василию Владимировичу доставалось, хотя сегодня многие об этом забыли. В литературной среде накал страстей по меркантильным проблемам на порядок выше творческого начала. Ведь в СССР очередное собрание сочинений, дополнительный тираж книги всегда материализовывались в виде увесистой пачки денежных купюр. Масштабу личности, успеху и достатку Быкова в советское время завидовали, прежде всего, его коллеги. А как создать «другу» проблемы, они знали лучше партийных органов.

Талант – это испытание и взгляд на все по максимуму. Писатель такого масштаба и таланта, как Василь Быков, не мог быть ни удобным, ни дружественно настроенным к любой власти. Но он никогда не стремился стать политиком. Время и обстоятельства сделали из него политическую фигуру помимо его воли.

Конец 1980-х годов – время национального возрождения в СССР. Но сегодня многими забыт тот факт, что в апреле 1990 года был принят закон «О языках народов СССР», который предусматривал постепенное и планомерное внедрение национальных языков в советских республиках.

В Беларуси «мова» в то время стала для многих деятелей национальной культуры возможностью сделать политическую карьеру и даже поправить свое материальное положение. Новизна факта, долгое время находившегося под запретом в советский период и которым они владели в силу профессиональных занятий, для них становилась основой новой истины. Василя Быкова, пользуясь его искренним отношением к но-

▼ В. Быков
с А. Карпюком

вым демократическим процессам возрождения Беларуси, использовали многие. И прежде всего те, кто в свое время навешивал ярлыки на него как русскоязычного писателя (первые свои произведения В. Быков писал по-русски). Одна крайность порождала другую. Весь период белорусской истории в составе Российской империи был подвергнут остракизму, а годы советской власти вообще выпадали из белорусской историографии и литературы. Коллаборационизм во время Второй мировой войны преподносился как национально-освободительное движение. Реакция неприятия со стороны белорусского гражданского общества в этих условиях была закономерной, а у активной части молодежи вызвала отторжение.

Время рекордов

Любая идея всегда персонифицирована – важно не только сказанное, но и кем оно сказано. Время Ивана Федоровича Микуловича на Гродненщине – время большой химии. Отдавая должное тогдашнему первому секретарю Гродненского обкома партии, не будем забывать, что химической индустриализацией западный регион Беларуси, как и многие другие, обязан одному из самых ярких, а сегодня подзабытых хозяйственных деятелей Советского Союза Леониду Аркадьевичу Костандову, который определял развитие химической промышленности в СССР с 1958 по 1980 год.

Время Леонида Герасимовича Клецкова – время интенсивного развития сельского хозяйства, создания мощных агропромышленных комплексов. Гродненская область территориально самая маленькая в Беларуси. Но именно здесь впервые в республике было намолочено свыше 1 млн т зерна. В 1973 году в СССР был рассчитан параметр заготовки зерна, при котором решалась продовольственная проблема в стране – тонна на человека. Считалось, что тогда отпадет необходимость закупки зерна по импорту. Некоторыми экономистами эта цифра подвергалась сомнению, но время показало – расчеты оказались верными.

В советские годы достичь этой планки удалось только в нескольких регионах, в том числе и на Гродненщине. И в 1976 году Л.Г. Клецкову было присвоено звание Героя Социалистического Труда за успехи области в сельском хозяйстве. Эти звания первым

▲ Первый секретарь Гродненского обкома КПБ Л.Г. Клецков вручает знамя за победу в соцсоревновании

секретарям обкомов давали крайне редко: у власти существовал некий сдерживающий фактор. К тому же в памяти у всех был инцидент с первым секретарем Рязанского обкома партии Алексеем Ларионовым, который, поддавшись на призыв Никиты Хрущева, практически уничтожил животноводство на Рязанщине, выполнив за год четырехлетний план по сдаче мяса государству. За это и получил звезду героя, а после разоблачения авантюры покончил с собой.

Л.Г. Клецков ушел со своего поста тихо и спокойно. Третье письмо с просьбой об отставке было написано в первой половине 1989 года. В нем он в качестве преемника предлагал кандидатуру Федора Сенько. Пленум Гродненского обкома КПБ состоялся осенью того же года. В духе времени и возрождавшихся демократических традиций выборы были альтернативными. На пленуме Леонид Герасимович, сидя в президиуме, не проронил ни слова, лишь с интересом наблюдал за разворачивающейся борьбой за место первого человека в области. Это впоследствии породило немало слухов, домыслов и догадок. Хотел ли видеть на самом деле он Ф.П. Сенько своим преемником? Никто об этом никогда не узнает. И хотел ли сам Федор Петрович, занимавший к тому времени высокую должность в Москве, вернуться на родину. Ведь он знал, не мог не знать, куда идет корабль перестройки, а с ним вместе и партия, которой он верно служил. Но об этом, надеюсь, мне удастся спросить у самого Федора Петровича лично.

Игорь КОЗЛОВ ▮